

В. И. Авдиев

Военная история Древнего Египта

Том 1

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. И. Авдиев**
Военная история Древнего Египта: Том 1 / В. И. Авдиев – М.: Книга по Требованию, 2012. – 240 с.

ISBN 978-5-458-39463-5

Возникновение и развитие завоевательной политики до эпохи крупных войн XVI-XV вв. до н.э.

ISBN 978-5-458-39463-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

появляются уже в эпоху становления цивилизации, т. е. классового общества и государства, что видно из его слов: «ragen bereits hinein in die Zivilisation» — «уже проникают внутрь цивилизации».

На эту тесную органическую связь древнейшего азиатского государства с грубой захватнической политикой Энгельс указывает в письме к Марксу от 6 июня 1853 г.:

«Правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансы (грабеж внутри страны), война (грабеж внутри страны и грабеж чужих стран) и общественные работы (забота о воспроизводстве)» (*К. Маркс и Ф. Энгельс, Избранные письма, 1947, стр. 75*).

«Правительства на Востоке всегда имели только три ведомства: финансовое (ограбление собственного населения), военное (грабеж внутри и в чужих странах) и ведомство общественных работ (забота о воспроизведении)». (*Сочинения Маркса и Энгельса, том 21, М., 1929, стр. 494.*)

Этому тезису и Маркс и Энгельс придавали большое принципиальное значение, как видно из того, что эта мысль почти в тех же самых словах выражена в статье «Британское владычество в Индии», напечатанной в *New-York Daily Tribune* 10 июня 1853 г., т. е. через четыре дня после написания вышеприведенного письма.

«В Азии с незапамятных времен существовали лишь три отрасли управления: финансовое ведомство, или ведомство по ограблению своего собственного народа, военное ведомство, или ведомство по ограблению (других) народов, и, наконец, ведомство общественных работ». (*К. Маркс, избранные произведения, М., 1940, т. II, стр. 520.*)

На захватнический завоевательный характер военной политики древних государств указал и Сталин, отметив, что внешней функцией этого государства было «расширять территорию своего, господствующего класса за счет территории других государств» (*И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, М., 1939, стр. 604*).

Вскрывая захватнический, грабительский характер завоевательных войн, марксистско-ленинская историческая наука одновременно с этим противопоставляет им освободительные справедливые войны, когда народ защищает свою родную землю, свою честь и свою свободу против наступающего захватчика. Эти освободительные войны имеют огромное прогрессивное значение. Они объединяют народ в борьбе за независимость и свободу, они укрепляют государство и воспитывают чувство патриотизма.

Древняя история, в частности история Древнего Востока, дает огромный материал для изучения как несправедливых завоевательных, так и справедливых освободительных войн. Именно на Древнем Востоке была впервые в истории формулирована «теория» международного грабежа и угнетения народов, именно на Древнем Востоке была впервые формулирована «теория» великодержавного гнета и мирового господства, организованного на основе военного захвата территории и порабощения побежденных народов и сохраняемого при помощи кровавого террора и циничной пропаганды. Завоевательные походы аккадских Саргонов, внешняя политика вавилонского [7] царя Хаммурапи, опустошительные походы ассирийских царей, образование мировой персидской державы являются древнейшими в истории примерами военно-агрессивной политики рабовладельческих государств. Наконец, процесс образования огромной римской империи закрепляет навеки в памяти народов тот кровавый режим насилия и

гнета, который пытались установить во всем «римском мире» императоры, опиравшиеся на железные легионы и римские орлы.

Но одновременно с этим древняя история, в частности история Древнего Востока, показывает нам, как еще в глубокой древности против дерзкого захватчика чужой территории восставали народы, не желавшие превращаться в рабов жестоких иноземных угнетателей. Упорная борьба, которую вели свободолюбивые и независимые горцы древней страны Урарту против ассирийских завоевателей, не менее ожесточенная борьба, которую вели свободные племена Бактрии и Согдианы против Александра Македонского, наконец, великая освободительная война греков против персов развертывают нам яркую картину великих народных войн древнего мира, несомненно имевших огромное историческое значение. Впервые в истории великая идея борьбы за освобождение своей родины нашла свое выражение в прекрасных словах греческого историка Геродота:

«Считаю себя обязанным высказать здесь мое мнение о недавней войне... Я не погрешу против истины, если скажу, что настоящими спасителями Эллады от персидского разгрома явились афиняне. Их поведение и решило исход кампании. Высоко ценя свободу, они подняли на ноги весь эллинский мир и общими силами отразили врага. Так энергично может бороться только свободный народ».

Военная история целого ряда древних государств, как, например, Ассирии, Персии, Греции и Рима, подверглась детальному и глубокому изучению. К сожалению, того же самого нельзя сказать о военной истории Древнего Египта, так как в данном случае даже основные проблемы еще не намечены и не поставлены специалистами-египтологами. Причиной этого является историческая «традиция», нередко сохраняющая порой односторонние, а иногда совершенно неправильные оценки и взгляды. Греки и римляне, заставшие Египет на закате исторического существования, привыкли смотреть на него, как на слабое в военно-политическом отношении государство, которое уже не могло вести самостоятельной внешней, а тем более военной, политики. Люди античного мира привыкли смотреть на древнеегипетский народ, как на народ, состоявший по преимуществу из дряхлых мудрецов, изнеженных жрецов и ловких торгашей. Такой взгляд на физическую немощь Египта и египтян нашел прекрасное отражение в рисунке, сохранившемся на одной античной вазе, который изображает мощную фигуру Геракла, избивающего множество тщедушных и мечущихся в панике египтян.

Историческая традиция сохранила этот взгляд на невоинственность египтян вплоть до эпохи расцвета буржуазной исторической науки. Основываясь на крайне недостаточных и часто односторонних и искаженных источниках, в частности на Библии и на античных [8] авторах, Гегель в своих лекциях по философии истории крайне односторонне охарактеризовал национальные черты египетского характера: «классическую невоинственность» и «постоянное миролюбие». Основываясь при этом, главным образом, на Геродоте, Гегель писал об египтянах:

«Они часто моются и купаются, очень прилежно стирают свои одежды, в то время как индусы, хотя и очень часто моют свое тело, однако, никогда не стирают своих одежд, так что нельзя вынести их вони. Один раз в месяц они принимают слабительное и имеют очень искусных врачей, в частности специалистов для отдельных болезней. Все это указывает на наличие длительного мирного периода» (*Hegel, Die orientalische Welt, Lpz., 1919, S. 471*). Принужденный признать значение египетской культуры, Гегель противопоставляет воинственные народы древнего мира, в частности древних римлян, «миролюбивым» египтянам, историческая роль которых свелась к созданию великих культурных ценностей. Гегель говорит:

«Другие народы внешне проявили себя в делах, которые привели к другим результатам. Они напрягли себя для покорения других народов. Но дела уничтожения сохраняются только в воспоминаниях. Во время Троянской войны 100 000 человек работало в течение 10 лет; но все, чего они достигли, оказалось безрезультатным для обеих сторон. Делом римлян было покорение народов, и это дело стоило жизни миллионам людей. В противоположность этому, египтяне создали ценности положительного типа — величественное, грандиозное царство, состоящее из произведений искусства, которые хотя и сохранились частично в обломках, все же обличают свою неразрушимость.

Эти произведения относятся к разряду самых величественных. Уже Геродоту творения греков, по сравнению с творениями египтян, в частности с Лабиринтом, казались ничтожными. И на самом деле, они больше и более достойны изумления, чем все остальное на свете, чем все творения всего остального древнего и нового времени» (*Hegel*, op. cit., S. 500-501).

Стремление изобразить восточные народы, в частности древних египтян, в качестве абсолютно невоинственного народа, совершенно противоположного воинственным народам западного «арийского» мира является типичным примером применения совершенно ненаучной «расовой теории», стремящейся противопоставить «миролюбивый» и «слабый» восток воинственному и могущественному западу.

Удивительным образом этот крайне односторонний взгляд на «невоинственность» египтян и египетского государства сохранился по старинке вплоть до последнего времени даже в трудах крупнейших специалистов по истории Древнего Египта. Поэтому широко распространенным в научной и популярной литературе является мнение, что египетское государство в древности вело, главным образом, мирную политику в силу «миролюбивого» характера древнеегипетского народа. Конечно, общеизвестным фактом египетской истории является факт завоевания египетскими фараонами Нового Царства, главным образом 18-й династии, обширных территорий в Передней Азии и в Нубии и [9] ведение длительных войн для захвата, а затем удержания и эксплуатации этих территорий. Однако, и этот самоочевидный факт историки и египтологи пытаются объяснить, как результат преследования египтянами гиксосов, что привело их в Азию и побудило завоевать Палестину и Сирию. Таким образом, эту военно-агрессивную политику Египта в эпоху 18-й династии историки объясняют как случайное явление, в значительной степени обусловленное «воинственным» порывом Яхмоса I и его преемников, среди которых выделяется фигура великого завоевателя, воинственного Тутмоса III.

Так, например, один из крупнейших специалистов по истории Древнего Египта американский египтолог Д. Г. Брэстед в своем труде «История Египта» указывает на то, что войны египтян с гиксосами привели в результате к организации сильной египетской армии и к постепенному превращению Египта в военное государство. Однако, и Брэстед в данном случае отмечает временный характер этой военной агрессии Древнего Египта, которая, по его мнению, резко противоречила «миролюбивому» характеру египетского народа. Так, Брэстед пишет:

«Течение событий, закончившееся изгнанием гиксосов, определило для Яхмоса форму нового государства. Он стоял во главе сильного войска, надлежащим образом организованного и сплоченного, благодаря продолжительным кампаниям и осадам, длившимся года, в продолжение которых он был в одно и то же время и предводителем войск и главой государства. Характер правительства сам собой определился из этих данных. Египет сделался военным государством, и было вполне естественным, чтобы он остался таковым, несмотря на невоинственный по существу характер египтян. Долгая

война с гиксосами воспитала из них солдат; огромная армия Яхмоса провела целые годы в Азии и оставалась более или менее продолжительное время среди богатых городов Сирии. Вполне изучив военное дело и поняв, что благодаря ему можно было добыть в Азии огромные богатства, вся страна была охвачена и увлечена жадой завоеваний, не затихавшей в течение нескольких столетий» (русский пер. М., 1915 том, I, стр. 243).

Само собой разумеется, что войны египтян с гиксосами и изгнание гиксосов из Египта в значительной степени способствовали расширению завоевательной политики египетских фараонов 18-й династии, явившись внешним толчком и поводом к усилению военной агрессии египетского государства.

Однако, причины этого явления лежат гораздо глубже. Нельзя крупнейшие факты военно-политической истории объяснять «национальным» характером народа, исключительным влиянием тех или иных политических деятелей и полководцев, или инерцией исторических событий. История не знает абсолютно миролюбивых или абсолютно воинственных народов. История знает захватнические несправедливые войны, во время которых правящая кучка эксплуататоров гонит народные массы из-под палки на бойню, искусственно раздувая в народе воинственные инстинкты и жажду грабежа. Наряду с этим, история знает и справедливые освободительные войны, когда [10] народ, охваченный стремлением защитить свою родину от наглого захватчика, поднимается на борьбу, обороняя свою родину, честь и свободу. В истории Древнего Египта, как и в истории других народов, мы найдем и освободительные и захватнические войны. Война египтян с гиксосами была войной освободительной, ибо египтяне во время этой войны боролись против иноземных захватчиков, отстаивая целостность, независимость и честь своей родной страны. Но войны египетских фараонов 18-й династии, имевшие своей целью завоевание Палестины, Сирии, Финикии и Нубии, были, конечно, захватческими, завоевательными войнами, причина которых лежит в самом характере рабовладельческого строя Древнего Египта. Рабовладельческое хозяйство Древнего Египта всегда нуждалось в увеличении количества рабочей силы, в увеличении численности рабов. Развитие экономики требовало наряду с этим захвата источников сырья, как, например, медных рудников Синайского полуострова или лесных массивов Ливанских гор. Наконец, развитие внешней торговли властно требовало захвата важнейших торговых путей и контроля над крупными торговыми центрами. Поэтому военно-агрессивная захватническая политика Египта начинается одновременно с образованием и первым расцветом древнеегипетского государства. Тщательное изучение социально-экономической и военно-политической истории Древнего Египта указывает на то, что развитие рабовладельческого хозяйства уже в эпоху Древнего царства приводит к развитию военно-агрессивной политики, основные цели и направления которой вполне отчетливо намечаются уже в эту древнюю эпоху, становятся более ясными при фараонах 11-12-й династии и окончательно оформляются в эпоху Нового царства, особенно при крупнейших завоевателях 18-й династии. Наряду с этим, уже в эпоху Древнего царства создаются первые формы военной организации и военной техники, которые совершенствуются и усложняются в Среднем царстве, достигая наивысшего развития в эпоху Нового царства. Конечно, завоевание Египта и войны египтян с гиксосами явились довольно значительным толчком для дальнейшего развития завоевательной политики Египта в эпоху 18-й династии. Однако, основные причины завоевательных войн Древнего Египта лежат в самом грабительском эксплуататорском характере рабовладельческого строя. Военная история древневосточных государств, в частности Древнего Египта, в очень слабой степени была подвергнута научному изучению. Во всей мировой научной литературе нет ни одной общей работы, посвященной этому вопросу. Только немногие узкие и очень ограниченные проблемы подверглись самому предварительному обзору, описанию и первичному изучению. Так, например, Борхардт обследовал развалины

египетских крепостей около 2-го Нильского порога. Вопросам древнеегипетской фортификации посвящены специальные статьи Вейлля и Биллербека. Различные виды древнеегипетского оружия довольно тщательно описали и систематизировали в своих работах Боннэ, Вольф и Флиндерс Петри. Еще меньше внимания было уделено изучению отдельных войн и битв. Отсутствие подготовительных [11] работ не дало возможности исследователям изучить военную историю Древнего Египта эпохи Древнего и Среднего царств. Поэтому внимание ученых привлекли только те походы и битвы, которые относятся ко времени Нового царства, главным образом ко времени 18-19-й династий.

Само собой разумеется, что все эти, а также и многие другие работы, посвященные различным отдельным и порой очень узким проблемам военной истории Древнего Египта, содержат ценнейший фактический материал, однако, они даже самым отдаленным образом не подходят к важнейшей проблеме построения военной истории Древнего Египта.

Эта неразработанность военной истории Древнего Египта не дала возможности профессиональным специалистам по общей военной истории включить в свои обобщающие труды обзор военной истории Древнего Египта. Так, автор большого труда по военной истории Г. Дельбрюк указывает на то, что «для восточных народов, равно, как и для египтян, мы имеем исторические источники, которые на много веков и даже тысячелетий старше Гомера. Но все же эти свидетельства слишком скудны и не дают нам непосредственной полной и достоверной картины» (том I, стр. 41). Именно поэтому Дельбрюк начинает свой обзор военной истории с греко-персидских войн, целиком оставляя в стороне историю военного искусства древневосточных народов. В очень краткой книге полковника Е. Разина «История военного искусства с древнейших времен до первой империалистической войны 1914—1918 г.» (М., 1939, ч. 1) автор, стремясь дать хронологически наиболее полный обзор военной истории, посвящает древнейшей догреческой эпохе первую главу, которая насчитывает всего 16 страниц. Древнему Египту автор посвящает всего одну страницу. Само собой разумеется, этот краткий очерк не может дать представления о военной истории Древнего Египта.

Таким образом, изучение военной истории древневосточных государств, в частности Древнего Египта, является в полной мере работой пионера, которому в первую очередь приходится обратить свое внимание на систематизацию и на изучение источников. Наибольшее количество этих источников сохранилось от времени Нового царства, в частности от времени 18-й и 19-й династий, когда военная политика Древнего Египта достигла своего наивысшего напряжения. Но для понимания этой эпохи необходимо подвергнуть тщательному изучению все предшествующие периоды египетской истории, когда образовалось и формировалось в течение ряда веков египетское рабовладельческое хозяйство и общество и когда оформлялась в своем длительном развитии египетская рабовладельческая деспотия, самое существование которой было неразрывно связано с военно-захватнической политикой.

От древнейших эпох египетской истории, как и от позднейших периодов, сохранились источники двух типов: письменные источники, среди которых наибольшее значение имеют современные древнеегипетские надписи, а также памятники материальной культуры, среди которых для военного историка особенное значение [12] приобретают сохранившиеся образцы оружия и развалины крепостей, а также батальные сцены, сохранившиеся на стенах гробниц и храмов.

Архаические надписи, к сожалению, до настоящего времени еще не собраны в одном монументальном издании и не подвергнуты, главным образом по этой причине, а также

вследствие трудности их чтения, достаточно глубокому и исчерпывающему изучению. Большинство из этих архаических надписей рассыпано по отдельным специальным трудам.

Особенный интерес для военной истории имеют архаические надписи, относящиеся ко времени Нармера, Мины, Дена-Семти-Усефая и Семерхета. Они дают уже некоторое представление о войнах за объединение Египта, а также намечают основные направления дальнейшей завоевательной политики египетских фараонов, объединивших под своей властью долину Нила и Дельту.

Изучение этих архаических надписей все еще представляет большие трудности, вследствие неясности некоторых иероглифических знаков и отсутствия определенных начертаний этих знаков. Поэтому историк должен подходить к переводу и изучению этих надписей с большой осторожностью. Довольно значительный интерес представляет в данном случае историко-филологический анализ сохранившихся в этих надписях собственных имен, титулов, а также тех видов оружия и крепостных сооружений, изображения которых нашли свое отражение в некоторых иероглифах архаической эпохи.

Надписи Древнего царства представляют меньше трудностей для изучения. Большое количество этих надписей собрано в «*Urkunden des alten Reiches*», которые вышли вторым изданием в 4 выпусках в 1932 г. Издатель сборника К. Зете собрал в этом труде множество важных исторических документов, имеющих большое значение для изучения военной истории Древнего Египта в эпоху Древнего царства. Другим крупным сборником надписей Древнего царства являются тексты пирамид 5-й и 6-й династий. Даже эти религиозные надписи дают некоторый материал для специалиста по военной истории, так как они позволяют поставить вопрос о тех войнах, которые вели между собой отдельные номы в эпоху архаики. Такое же ретроспективное значение имеет и знаменитая летопись, текст которой сохранился на Палермском камне. Сохранившиеся здесь записи о военных походах египетских фараонов первых династий имеют большое значение для военной истории Древнего Египта. Надписи времени Джосера, Снофру, Хуфу, Сахура и Пепи I позволяют проследить отдельные этапы завоевательной политики Египта на северо-востоке, имевшие целью захватить медные рудники Синая. Изображения и надписи, сохранившиеся на стенах гробницы Иунти в Дешашэ и храма Сахура в Абидосе, дают ценнейший материал для изучения вопроса об экономическом и военном проникновении египтян в Палестину. Целый ряд надписей, как, например, надписи Пепи I, Меренра, Хирхуфа, Пепинахта и Себни сообщают ряд существенных сведений относительно проникновения египтян в Нубию. Наконец, [13] надписи Имхотепа, Шема и Пепи I, сохранившиеся в Хаммамате, представляют значительный интерес для установления важнейших путей египетской экономической и военной экспансии. Но, конечно, наибольший интерес среди всех надписей Древнего царства для военной истории Египта представляет надпись Уны, которая позволяет судить об организации военного дела и армии в Египте времени Древнего царства и в которой подробно описывается военный поход против страны Хериуша, а также в области Палестины. Ценность надписи заключается в том, что она является документальной автобиографией. Однако, несмотря на это, историк должен подойти к ней, как и к другим древнеегипетским надписям, с сугубым критицизмом, учитывая ее тенденциозность, стандартные выражения, имеющие особый смысл, и некоторые вполне возможные искажения исторической действительности.

Добавочный материал для изучения военной истории древнейшего Египта дают памятники архитектуры и материальной культуры. В этом отношении громадное научное

значение имеют результаты археологических раскопок, предпринятых Флиндерсом Петри, де-Морганом, Амелино, Шарффом и др. Раскопки, произведенные Монтэ в Библе, дают яркое представление о том проникновении египтян в Сирию, которое можно отнести на основании точных данных к очень древним временам. Раскопки Куфтина в Грузии проливают яркий свет на ряд вопросов, связанных с развитием техники добывания и изготовления обсидиановых предметов. Раскопки Рейснера в Керма у 3-го Нильского порога обнаружили остатки египетской торговой фактории в Нубии, что ясно указывает на экономическое проникновение египтян в эти далекие южные области. Большой интерес представляет тщательное археологическое изучение развалин древнейших египетских крепостей в Ком-эль-Султан и в Ком-эль-Ахмаре, которые позволяют нам судить о развитии египетской фортификации в этот древний период египетской истории. Наконец, изучение сохранившихся экземпляров египетского оружия, а также соответствующих древнеегипетских изображений и иероглифов дает возможность восстановить, хотя бы в некоторой степени, техническое оснащение египетской армии времени Древнего царства.

Значительно большее количество надписей, памятников архитектуры и материальной культуры сохранилось от времени Среднего царства. К сожалению, исторические надписи Среднего царства до настоящего времени еще не подверглись систематическому изучению и не объединены в одном критическом издании. Пробел в этом отношении несколько восполняет краткая учебная хрестоматия Зете, содержащая множество египетских текстов времени Среднего царства.

В лучшем положении находится издание отдельных групп надписей Среднего царства, которые начинают систематизироваться как по типовому, так и по хронологическому принципу. Так, например, отдельно изданы Эриксом и Зете историко-биографические надписи Среднего царства.

Очень большой интерес для военной истории представляют сиутские [14] надписи гераклеопольской эпохи, позволяющие проследить упорную военную борьбу, которую вели между собой Гераклеополь и Фивы, с целью объединения Египта и установления своего господства во всей стране. Плохая сохранность этих надписей, трудность их чтения и разбора и некоторые позднейшие изменения аутентичного текста заставляют историков подходить с особенной осторожностью к их критическому изучению. Эти надписи были изданы в свое время Гриффизом, а затем переизданы и снабжены переводом и комментарием Бруннером.

Большой интерес представляют Хатнубские надписи, изданные Антесом по материалам, собранным на месте Меллером.

Совершенно особое и очень крупное значение имеют надписи, сохранившиеся на «черепках проклятия». Эти надписи, содержащие важные собственные имена и географические названия, позволяют установить характер взаимоотношений Египта времени Среднего царства со странами Передней Азии, а также пределы египетской экспансии того времени. Эти надписи были тщательно изданы и изучены К. Зете. Наконец, особую работу посвятил надписям 11-й династии Полоцкий.

Многие из этих ценнейших исторических надписей имеют большое значение для изучения военной истории Египта времени Среднего царства. Разнообразные сведения, характеризующие процесс постепенного образования и усиления фиванского царства в эпоху 11-й династии и непосредственно предшествующего ей периода, дают прекрасно сохранившиеся надписи Хунена и Хени, хранящиеся в Московском музее изобразительных искусств, надписи Чечи, Луврская стела С-26 и в особенности надписи

Ментухотепа из Гебелеина и на острове Коноссо, которые свидетельствуют об образовании мощного египетского государства с центром в Фивах. Надпись Джехмау, хаммаматские надписи и надпись Са-анха дают представление о первых попытках египетских фараонов того времени возобновить военно-агрессивную политику. Любопытные иллюстрации дают в этом отношении рельефы, сохранившиеся в развалинах храма 11-й династии в Дейр-эль-Бахри.

Надписи 12-й династии дают возможность значительно ярче и полнее обрисовать завоевательную политику Египта этого времени. В этом отношении строго документальны официальные надписи, имеющие значение государственных реляций, как, например, сехельские надписи, сообщающие о сооружении и расчистке канала у 1-го порога в царствование Сенусерта III, надпись в Семнэ, в которой устанавливается южная государственная граница Египта, стэла Берлинского музея № 1157, а также ее дубликат, сохранившийся на острове Уронарти, в которых говорится о 3-м походе Сенусерта III в Нубию. К этим надписям примыкают и полуофициальные, но все же имеющие некоторое документальное значение надписи вельмож, чиновников, полководцев и номархов, дающие богатейший материал для военной истории Египта этого времени. Таковы интереснейшие бенихассанские надписи, относящиеся ко времени царствования Аменемхета I и [15] Сенусерта I, надпись полководца Ментухотепа, сообщающая существенные сведения относительно завоевания Нубии, надписи Хент-хет-ура и Хнумхотепа из Вади-Гасуса, позволяющие судить о проникновении египтян далеко на юг вплоть до страны Пунт, надписи Нессумонту, Сасатета, Себекху-аа, дающие возможность наряду с другими источниками восстановить картину развития египетской военной экспансии этого времени. Специальные сведения, касающиеся эксплуатации восточных областей, дают хаммаматские и синайские надписи, относящиеся, главным образом, ко времени царствования Аменемхета III. Наконец, при изучении вопроса о завоевательных походах египетских фараонов 12-й династии нельзя обойти и надписи Са-Хатхора (Британский музей № 569), а также интереснейшей надписи Ихер-нофрета. Особое и в то же время очень крупное значение для всех этих проблем имеют литературные произведения времени расцвета классической литературы Древнего Египта в эпоху 12-й династии, главным образом, рассказ Синухета, а также «Поучения» Аменемхета и Неферреху, наконец «Сказка о потерпевшем кораблекрушение».

Все эти литературные тексты, несомненно, требуют при своем изучении крайне строгого и осторожного критического подхода. Однако при соблюдении этого условия историк может из них извлечь ценнейшие сведения относительно взаимоотношений Египта, Сирии и Нубии, войн Египта с соседними племенами и странами, уровня развития военного дела, охраны границ, великодержавной политики, религиозной санкции завоевательных войн и т. д. Любопытный материал дает для изучения этой эпохи с точки зрения военной истории и поздняя историческая традиция, сохранившаяся у некоторых античных авторов, как, например, у Диодора, Лукана, Страбона, Плиния, Артемидора и Геродота, в частности поздняя легенда о завоеваниях Сезостриса, которая несомненно таит в себе некое подлинно историческое зерно.

С вопросом о завоевательных войнах Египта в эпоху Среднего царства теснейшим образом связана проблема техники и организации военного дела. В этом отношении интересные сведения дают кахунские тексты, стэла Ха-анх-еф (Каирский музей № 52456), надпись Икуиди, относящаяся к 34-му году царствования Сенусерта I, надпись Хорнахта, сохранившаяся в Вади-Магхара, наконец, надпись Каи, хранившаяся в Берлинском музее (№ 22820).

Раскопки, производившиеся довольно интенсивно в течение последних десятилетий, дали ценный материал для изучения египетской истории, в частности военной истории времени Среднего царства. Поэтому историк должен для этой цели использовать сохранившиеся памятники материальной культуры, искусства, в частности архитектуры и живописи, а также прикладного искусства и художественного ремесла. Большое значение в этом отношении приобретает изучение развалин Лиштской пирамиды, единственного в своем роде храма в Дейр-эль-Бахри, остатков города в Кахуне. Огромный и очень важный в историческом отношении материал дали раскопки Монтэ в Библе и раскопки Шеффера в Рас-Шамра, пролившие яркий свет [16] на взаимоотношения Египта с Сирией в эпоху Среднего царства, а также раскопки в Кахуне и на Крите, установившие наличие некоторых экономических и культурных связей между Египтом и районом Эгейского моря.

Яркий бытовой материал, рисующий уровень развития военной техники и организации военного дела, дают чудесные бенехассанские изображения, известная сиутская модель военного отряда, прекрасно сохранившиеся образцы оружия; наконец, о фортификации того времени мы можем получить довольно полное представление на основании изучения развалин крепостей, сохранившихся как на территории Египта, так и в особенности на южных нубийских границах, в частности у 2-го порога, в Семнэ, Миргиссе, на острове Уронарти, в Дабе и в других местах.

Значительно большие трудности представляет изучение следующего периода в истории Древнего Египта, так называемой гиксосской эпохи. От этого смутного времени сохранилось крайне незначительное количество источников как документальных, так и археологических. Очень небольшое количество надписей и памятников материальной культуры и искусства этого времени заставляет историка подходить с крайней осторожностью к изучению фактов политической истории этого времени. Поэтому необходимо тщательно использовать документальные памятники, найденные на территории Передней Азии, а также более поздние источники. Однако, крайняя скудость источников этого периода египетской истории не должна приводить историка к гиперкритическим выводам, которые нашли отражение в односторонней работе Вейлля, резко отрицавшего реальность факта завоевания Египта гиксосами, вопреки твердо установившейся исторической традиции и целому ряду, хотя и немногочисленных, но все же явных указаний источников.

Ввиду незначительного количества документов гиксосской эпохи, историк должен их использовать с предельной, по возможности, полнотой. Поэтому нельзя обойти даже такие краткие надписи, как надпись Нехси из Таниса, или такие мало дающие для военной истории надписи, как надпись Неферхотепа из Абидоса. Существенное значение имеют крайне лаконичные надписи гиксосских царей, их имена и титулы и очень редкие надписи частных лиц этого времени, как, например, надпись Иту. Само собой разумеется, что огромное значение для изучения этой эпохи имеют надписи непосредственно примыкающего к ней периода, т. е. времени ранней 18-й династии, как, например, ценнейшая автобиография начальника гребцов Яхмоса, сына Иабаны, карнакская надпись Яхмоса I, более поздние надписи Хатшепсут в Спеос-Артемидос и соответствующая надпись Мернепта. Ценнейший материал для реконструкции военной истории этого времени, в частности для изучения войн между египтянами и гиксосами, дают литературные и историко-литературные, а также дидактические произведения более позднего времени, как, например, «Рассказ об Апопи и Секенен-Ра» (папирус Саллье № 1), рассказ о войнах Камесу (табличка Карнарвон) и уже цитированные раньше «Поучения» Ипувера и [17] Нефер-реху, которые сообщают интереснейшие сведения о проникновении азиатов в Египет в конце Среднего царства. Существенные сведения, хотя

в некотором отношении искаженные, дает поздний историк Манефон, текст которого нуждается в строго критическом изучении. Наконец, крайне важные выводы можно извлечь из археологических памятников, в частности тех, которые были получены при раскопках Таниса, Тель-эль-Иехудие, Газы и Бет-Пелета. При изучении военной истории гиксосской эпохи необходимо подвергнуть глубокому изучению памятники так называемой гиксосской культуры в Палестине и в Сирии и относящиеся к этой эпохе документальные источники, среди которых особенный интерес представляют документы из Мари, а также из Нузи. Неразрывно связана с этим и вся сложнейшая проблема хурритско-митаннийской культуры.

Значительно проще изучение источников времени ранней 18-й династии, которые довольно полно и ярко рисуют развитие завоевательной политики Египта в эпоху третьего расцвета египетского государства при фараоне Яхмосе I и его преемниках.

В этом отношении богатый документальный материал содержат надписи двух сподвижников фараона Яхмоса I, которые носили одинаковые с ним имена: Яхмоса, сына Иабаны, и Яхмоса, сына Пернехбета, а также надпись Нефер-перета, сохранившаяся в каменоломне Маасара, близ Турра. Большое значение для изучения внешнеполитических связей Египта того времени, а также для характеристики великодержавно и политики Яхмоса I имеет его большая карнакская надпись, содержащая множество ценнейших сведений. Для изучения военной политики Египта времени царствования Аменхотепа I несомненный интерес представляет надпись Гормина, проливающая свет на проблему организации завоеванных областей Нубии, и надпись архитектора Инени, ярко рисующая строительную деятельность фараона Аменхотепа I. Наконец, ценнейший материал для изучения военной политики первых двух Тутмосов дают томбосская стела и абидосская надпись Тутмоса I, сехельская и ассуанские надписи, относящиеся к тому же самому времени, и ассуанская надпись Тутмоса II. Значительно облегчает изучение надписей этого времени то обстоятельство, что в распоряжении историка находится хорошее издание документальных текстов 18-й династии, предпринятое в свое время К. Зете.

Для изучения вопроса о предпосылках завоевательной политики Египта в Передней Азии в эпоху 18-й династии огромное значение имеет исследование целого ряда проблем, связанных с исторической географией Палестины, Сирии и Финикии. Многочисленные раскопки, произведенные на этих территориях в течение последних десятилетий, дают очень большой археологический и в некоторых случаях даже документальный материал. В Газе, Джераре и Бет-Пелет были найдены любопытные памятники, проливающие некоторый свет на историю гиксосской эпохи, а также представляющие большой интерес для изучения филистимского побережья и той южной части Палестины, которая в египетских надписях носит название страны Неgeb. Раскопки [18] в Галилее, в Гезере и в Сакче-Гёзи позволили восстановить ранее неизвестные древние этапы в развитии доисторической культуры Палестины и Сирии. Археологическое исследование Катны и Телелат-эль-Гхассуля дало исследователям ценнейший материал для изучения вопроса о проникновении древних месопотамских влияний в области Сирии и Палестины. Благодаря подробному археологическому обследованию Гезера, Мегиддо, Бет-шана и Иерихона современная наука получила некоторое представление о жизни, возникновении и развитии древнейших и крупных городов Палестины. Раскопки в Библе и в Рас-Шамре открыли новую эру в изучении Финикии, дав огромное количество ценнейших памятников материальной культуры и письменности, которые пролили яркий свет на древнейшую историю Финикии и установили наличие тесных связей между этими крупными торговыми городами, с одной стороны, и Египтом, с другой. Особенно крупное значение имели раскопки в Рас-Шамра, которые вскрыли новый этап в истории Финикии и Северной Сирии, тесно связанной в эти времена с хеттским и эгейским миром. Большой